

АДРИАН НОРТВЕЙЛ

СДЕЛКА БЕЗ ПРАВА НА ЛЮБОВЬ

Адриан Нортвейл

Сделка без права на любовь

«Автор»

2026

Нортвейл А.

Сделка без права на любовь / А. Нортвейл — «Автор», 2026

Варя умеет находить ложь в цифрах, но не умеет признать правду о себе. После смерти мужа она живёт работой, шутками и уверенностью, что второй любви не бывает. Всё меняет командировка на роскошный курорт, где ей и её суровому руководителю приходится изображать влюблённую пару. Сначала это всего лишь легенда для проверки сделки. Но за красивыми виллами скрываются несуществующие лодки, грязные деньги и люди, готовые убивать за маленькую флешку. Теперь им нужно выбраться живыми, понять, кому можно доверять, и перестать делать вид, что прикосновения, ревность и страх потерять друг друга нужны только для задания. Опасное расследование, вынужденная близость, мужчина, который защищает слишком жёстко, и женщина, которой страшно снова захотеть счастья. Иногда самая рискованная сделка заключается не на бумаге.

© Нортвейл А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Вступление	5
Глава 2. Тот звонок с утра	6
Глава 3. Там, где смеются слишком громко	15
Глава 4. После чужого берега	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Адриан Нортвейл

Сделка без права на любовь

Глава 1. Вступление

Я начинаю эту книгу с обычного утреннего звонка, потому что большие перемены редко входят в жизнь под музыку. Чаще они звонят на телефон, когда человек ещё не успел проснуться, и говорят чужим голосом: я немного застряла. В этот момент никто не произносит красивых слов. Никто не обещает вечность. Один человек просто встаёт с кровати, надевает футболку наизнанку, берёт ключи и едет.

Эта история выросла из нескольких простых вещей. Есть работа, где люди привыкли проверять чужие договоры и чужие мотивы. Есть прошлое, которое не подписывало никаких соглашений, но всё равно требует плату. Есть мужчина, который слишком хорошо умеет держать себя в руках. Есть женщина, которая смеётся громче всех, когда ей больнее всех. И есть сделка, в которой на бумаге написано одно, а на самом деле речь идёт совсем о другом.

Я не буду делать из этого инструкцию по переговорам. В жизни переговоры редко проходят за чистым столом и по пунктам. На практике всё проще и неприятнее: кто-то молчит, кто-то шутит, кто-то прячет страх, кто-то торгуется не с партнёром, а с самим собой. Самые трудные уступки человек делает не в кабинете. Он делает их в машине у чужого дома, в коридоре отеля, в паузе после неудачной шутки, в ту секунду, когда понимает, что больше не может называть чувство рабочим риском.

Поэтому пусть это будет роман о проверках, легендах, красивых местах с грязными схемами внутри и людях, которые умеют видеть ложь в чужих цифрах, но плохо видят собственную. Пусть он начнётся без торжественности. С боли в груди после сна, с телефона на тумбочке, с женского голоса, который пытается звучать спокойно.

Глава 2. Тот звонок с утра

Максим проснулся от боли, будто кто-то поставил колено ему на грудь и навалился всем весом. Он не сразу понял, где находится. Сначала слушал комнату. Кондиционер щёлкнул и затих. За окном прошла машина, шины мягко шуршали по мокрому асфальту. Над кроватью была знакомая трещина на потолке. Он обещал себе заделать её уже полгода и вспоминал о ней только в такие минуты, лёжа на спине, когда сон ещё держал за горло.

Это была его спальня. Москва. Пятый этаж. Тёмные шторы. Ноутбук на полу. Телевизор без звука. Не степь. Не перевёрнутая машина. Не горячий металл под ладонью. Не чужая кровь на рукаве. Максим сел, провёл рукой по лицу и заставил себя дышать медленнее. Паника не уважает бывшие звания, широкие плечи и аккуратно разложенные вещи. Она просто приходит и проверяет, есть ли у тебя силы не спорить с ней.

Телефон зазвонил на тумбочке. Он ответил, не глядя на экран. Голос Вари Соколовой был тихий и слишком бодрый. Она никогда не называла его по имени, если всё было нормально. В офисе он был для неё большим шкафом, начальником транспортного цеха, человеком, которому вредны узкие дверные проёмы. Сейчас она сказала: Максим. И у него сразу ушёл сон.

Она стояла у служебного входа в парк, возле старых оранжерей. Без обуви, без машины и, как выяснилось, без части достоинства. Формулировку про достоинство она добавила сама, когда поняла, что он уже встал и ищет джинсы. На прямой вопрос, тронул ли её кто-нибудь, ответила быстро: нет. В этом нет было раздражение, усталость и злость на себя, но страха не было. Значит, сначала забрать. Потом разбираться.

До парка он доехал за двенадцать минут. Субботнее утро ещё не разогналось, город выглядел помятым и почти добрым. Варя стояла у ворот на одной ноге, мокрые волосы липли к щекам, на плечах висела чужая мужская рубашка. На ступнях были ссадины. Увидев его машину, она подняла руку, будто ловила такси, а когда он вышел, первым делом посмотрела на футболку и сказала, что она наизнанку.

Максим открыл пассажирскую дверь. Варя попыталась залезть сама, но высокий внедорожник был создан явно не под людей её роста. Он подал руку. Она секунду смотрела на неё с видом женщины, которая помощь не принимает из принципа, потом всё-таки ухватилась. В салоне сразу запахло мокрой травой, холодной водой и её шампунем. Он достал аптечку, промыл царапины на ступнях, наклеил пластыри. Варя сидела боком и делала вид, что это не трогает её ни капли.

История оказалась глупой и опасной в одинаковой мере. Она бегала по утрам через парк, потом иногда сворачивала к дому одного знакомого знакомых, где был бассейн. Хозяин почти не появлялся. Варя плавала двадцать минут и уходила, уверенная, что никому не мешает. Сегодня из дома выбежали две большие собаки. Путь к вещам был перекрыт. Она схватила, что попало под руку, перелезла через забор в соседний двор и побежала босиком по гравию.

Максим слушал и молчал. Варя ждала лекции. Он видел по её подбородку, как она готовится отбиваться. Ему очень хотелось прочитать лекцию. О собаках, заборах, камерах, соседях, полиции и чужих дворах. Но больше хотелось, чтобы она продолжала говорить, потому что живой человек спорит, а не лежит тихо. Поэтому он сказал только, что больше никаких чужих бассейнов. Варя пообещала подумать. После его взгляда пообещала не ходить.

Они заехали за кофе. В пекарню он её не пустил, сам купил чёрный кофе и миндальный круассан. Она приняла пакет как награду и назвала его почти хорошим человеком. Почти, потому что футболка всё ещё была наизнанку. Он впервые за утро засмеялся. С ней это случилось слишком легко. Смех подкрадывался, пока он собирался быть строгим, и оставлял его без оружия.

Варя работала у них в отделе проверки сделок третий год. Формально она подчинялась Максиму. На деле подчинялась только здравому смыслу, да и то по настроению. Их компания вкладывалась в чужой бизнес, покупала доли, проверяла заводы, сервисы, гостиницы, маленькие производства и чужие обещания. Бумаги всегда выглядели увереннее людей. Варя умела сделать так, чтобы люди заговорили раньше бумаг.

Она могла за десять минут разговорить секретаря, водителя, технолога, бухгалтера и женщину из столовой. Смеялась, путала термины, просила объяснить по-человечески и уходила с таким набором деталей, что потом финансовая модель начинала пахнуть не таблицами, а настоящей жизнью. Руководители часто недооценивали её. Это было их ошибкой и её преимуществом.

Максим ценил её как сотрудника. Удобная фраза. Чистая, безопасная, пригодная для служебной переписки. В ней не было того, что происходило с ним, когда Варя входила в переговорную, бросала блокнот на стол и говорила: ну что, большой человек, опять будем спасать капитализм. Он не имел права хотеть её. Работа. Общие друзья. Старые правила. И ещё тот взгляд после единственного поцелуя, когда она отступила так, будто он открыл дверь в комнату, куда нельзя было входить.

Об этой комнате он знал больше, чем показывал. Проверка персонала когда-то принесла короткую строку: вдова, муж умер через год после свадьбы. Никакого риска для компании. Просто факт. Только Максим после этого долго сидел в кабинете и смотрел в окно. Варя никогда не рассказывала об этом почти никому. И он не собирался отдавать её прошлое чужим разговорам.

У её дома она попросила никому не рассказывать про бассейн. Особенно Кириллу, потому что Кирилл сделает из этого тост. Максим пообещал. Она уже открыла дверь, потом остановилась и тихо попросила не рассказывать, что испугалась. Он сказал, что она имела право испугаться. Варя ответила, что не любит это право. Потом осторожно дошла до крыльца, обернулась и велела ему вывернуть футболку, вдруг встретит женщину мечты.

Он хотел сказать, что уже встретил. Вместо этого поднял стакан с кофе. Иногда взрослость выглядит не как смелость, а как вовремя закрытый рот.

После этого он поехал играть в баскетбол с Кириллом и Артёмом. Кирилл был его двоюродным братом, партнёром в компании и человеком, который умел лезть в душу с лицом невинного сантехника. Артём, финансовый директор, говорил мало, но слышал всё. Они быстро поняли, что утро связано с Варей. Максим сказал: глупая ситуация, я забрал её, всё. Кирилл, конечно, не поверил.

Разговор закончился тем, что Кирилл снова спросил, когда Максим перестанет называть чувства кадровым риском. Максим ответил, что это и есть кадровый риск. Кирилл сказал, что кадровый риск это когда сотрудник ворует клиентскую базу, а когда мужчина смотрит на женщину так, будто она стоит у края крыши, хотя она просто ест пирожное, это другое. Артём назвал формулировку точной. Максим бросил в брата полотенцем.

Он мог бы объяснить правду, но правда была не его. Муж Вари, её боль, её право молчать. Поэтому он спрятался за работу, как делал уже много месяцев. Работа была удобной крепостью. Там были правила, должности, отчёты, сроки, ответственность. В крепости можно жить долго, если не замечать, что окна заколочены изнутри.

В тот же вечер он открыл новый проект. Загородный комплекс на Волге, домики у воды, ресторан, причал, лодочные прогулки. Собственник хотел продать долю. Документы выглядели прилично, но расходы на персонал были странными, а водные услуги проходили через кассу комплекса, хотя остальные подрядчики брали оплату напрямую. На бумаге это могло быть плохой организацией. В жизни такие схемы часто пахнут чужим интересом.

Максим отправил Кириллу письмо: нужно смотреть на месте, бумаги не отвечают на главный вопрос. Ответ пришёл быстро: есть мысль, обсудим в понедельник. Слово мысль ему не

понравилось. У Кирилла мысли редко приходили по одной и почти всегда приводили к проблемам.

В понедельник Варя пришла в офис в зелёном платье и с пластырем на пятке. Лена уже знала отредактированную версию приключения и смеялась у кофемашины так, что держалась за живот. Через три недели ей рожать, но она всё равно требовала подробностей. Варя рассказывала историю с таким видом, будто собаки были не угрозой, а частью городского квеста.

Совещание началось плохо. Кирилл сообщил, что на Волгу едут Максим и Варя. Легенда: пара выбирает место для небольшой свадьбы и медового уикенда. Максим сказал нет раньше, чем Кирилл закончил фразу. Варя вошла с кофе как раз вовремя, чтобы услышать главное. Поставила чашку на стол очень аккуратно. Когда она злилась по-настоящему, движения у неё становились точными.

Она не отказалась. Сказала, что если работа требует пары, значит, будет пара. Она не фарфоровая. Максим не говорил, что она фарфоровая, но подумал. И Варя это услышала без слов. Между ними снова начались переговоры без бумаги: он хотел защитить её, она хотела сама выбирать, куда ставить ногу. Оба были правы. Именно поэтому спорить было бесполезно.

На следующий день он забрал её у дома. Варя вышла с чемоданом, рюкзаком и чёрным псом по имени Граф, который решил проводить хозяйку до машины и попытался залезть в багажник. Пока они ждали подругу, которая должна была забрать пса, Граф позволил Максиму почесать себя за ухом. Варя сказала, что у собаки хороший вкус. В мужчинах, уточнил Максим. В людях, которые выглядят так, будто могут открыть банку тушёнки без ножа, ответила она.

Дорога сначала была лёгкой. Варя ругала навигатор, ела яблоко, оставляла салфетки в подстаканнике, а Максим молча перекладывал их в пакет для мусора. Она заметила и наклеила на бардачок яблочную наклейку. Теперь у нас интерьер, сказала она. Он назвал это фактором операционного хаоса. Она попросила внести положительную динамику.

Ближе к комплексу разговор стих. Лес подошёл к дороге, за деревьями мелькала вода. Варя смотрела в окно и тёрла большим пальцем шов платья. Максим спросил, всё ли в порядке. Она сказала, что сейчас ударит его папкой, хотя папки нет. Он понял: она не хочет, чтобы её проверяли на прочность. Она хочет, чтобы ей верили, даже когда ей трудно.

Комплекс назывался Тихая пристань и выглядел как дорогая открытка. Деревянные домики у воды, ресторан с панорамными окнами, белые лодки у причала, дорожки из светлого камня. Слишком красиво, чтобы сразу верить. Красивые места умеют прятать бардак лучше уродливых. Гость смотрит на закат, а не на кассу.

На ресепшен Варя мгновенно стала другой. Голос мягче, глаза шире, восторга больше, ума на лице меньше. Она не играла глупую женщину. Она играла женщину, рядом с которой людям хотелось быть умнее. Администратор ожила через три минуты и начала рассказывать то, что обычно не попадает в буклет: кто за что отвечает, когда лучше смотреть зал, почему прокат лодок лучше бронировать заранее и какие управляющие сегодня на месте.

Им дали домик у воды. Один, разумеется. В спальне стояла большая кровать, на ней лежали полотенца, свернутые лебедями, и лепестки роз. Варя посмотрела на эту композицию и сказала, что полотенечные птицы верят в их отношения больше, чем они сами. Максим сказал, что будет спать на диване. Варя ответила, что диван короче его на полметра и горничная сразу поймёт: жених наказан.

Они разложили вещи убедительно. Максим повесил рубашки по порядку и поставил обувь ровной линией. Варя высыпала половину чемодана в кресло и назвала это системой примерного знания. Он молчал так выразительно, что она спросила, больно ли ему физически. Да, сказал он. Привыкай, сказала она, мы почти семья.

Первый обход сделали как обычные гости. Варя задавала вопросы про банкет, меню, цветы, музыку и прогулки на катере. Максим смотрел на людей. На менеджера, который отвечал слишком быстро за чужой отдел. На парня у проката, который назвал одну цену, потом

увидел администратора и поправился. На двух загорелых мужчин в дорогах поло, которые ездили по территории на гольфкаре и выглядели так, будто считают чужой бизнес своей личной удачей.

Племянники собственника оказались именно такими, как подсказывали бумаги: много позы, мало работы. Варя подошла к ним с вопросом о прогулке на закате. Через пять минут оба уже рассказывали, что комплекс держится на них, что старик давно ничего не понимает в современных гостях, что водная часть приносит хороший поток. Максим стоял рядом, изобращал спокойного жениха и считал секунды до желания забрать её за локоть и увести.

К ужину они знали достаточно, чтобы насторожиться. Племянники почти не управляли. Персонал их не уважал. Водные услуги были оформлены отдельно, но деньги проходили через комплекс. Остальные подрядчики работали иначе. Бумаги начали получать запах. Варя сказала это первой, когда они сидели у окна ресторана и смотрели на темнеющую воду.

За ужином они слишком естественно поменялись тарелками, потому что её рыба оказалась лучше. Она отдала ему лимон, он убрал из её блюда оливки. Со стороны это выглядело нежно. Варя заметила и тихо сказала, что они опасно убедительны. Максим ответил, что для задания это хорошо. Она сказала: я не про задание. И между ними стало тихо.

Он сказал, что не хочет причинить ей боль. Варя ответила слишком быстро: поздно. Потом сразу отвела глаза и попыталась улыбнуться, будто сказала глупость. Но слово уже осталось на столе между бокалами и салфетками. Максим не взял её за руку. Хотя хотел. Иногда рука на столе страшнее любой проверки, потому что после неё нельзя будет сказать, что всё было только работой.

Ночью он лёг на короткий диван и смотрел в темноту. Из спальни не доносилось ни звука. Он думал о переговорах, которые человек ведёт с собой. Сначала обещает не смотреть. Потом разрешает смотреть, но не трогать. Потом разрешает трогать, если это нужно для легенды. Потом остаётся последний пункт: не хотеть больше, чем другой может дать. Этот пункт он проигрывал.

Утром Варя вышла в джинсах и белой рубашке, бодрая до подозрительности. Сказала, что им нужно посчитать лодки. Максим впервые за последние сутки почувствовал устойчивую землю под ногами. Лодки, цифры, расписание, несостыковки. С этим он умел работать. Варя спросила, ценит ли он её только как специалиста. Он ответил, что безопасный ответ: да. Небезопасные ответы до кофе не выдаются.

Они вышли к причалу. День начинался как обычная проверка: люди, цифры, роли, ложь, которая где-то обязательно выдаст себя. Но Максим уже понимал, что обычной эта поездка не будет. Где-то между босыми ступнями у парка, лебедями из полотенец и словом поздно они перешли линию, которую нельзя внести в отчёт. А впереди ждали лодки, чужие деньги и разговоры, от которых уже нельзя будет отшутиться.

На причале пахло водой, бензином и мокрым деревом. Варя шла чуть впереди, будто просто любовалась видом, но Максим видел, как она считает. Три больших катера, пять лодок поменьше, ряд каяков, часть пустых мест на стойках. В документах, которые прислал Кирилл, цифры были другими. Не сильно другими, если смотреть сонным взглядом. Достаточно другими, если помнить, что деньги любят именно такие щели.

У прокатчика было лицо человека, который привык отвечать на вопросы туристов, но не привык, когда туристы слушают ответы слишком внимательно. Варя спросила про прогулку на закате, потом про рыбалку, потом про то, можно ли заказать две лодки для гостей свадьбы. Парень сначала сказал, что свободных почти нет. Потом зачем-то добавил, что парк у них большой. Максим посмотрел на воду. Большого парка он не видел.

Варя поблагодарила, взяла буклет и, уже отходя, сказала, что лодки красивые. Особенно все пять рыбацких. Парень машинально поправил: три. Потом понял, что сказал, и начал объ-

яснять про сезон, ремонт и вторую площадку. Объяснял плохо. Варя улыбалась так мягко, что со стороны это выглядело почти заботой. Максим знал: она уже держит нитку.

Они сели за столик у воды. Варя открыла буклет, сделала вид, что выбирает маршрут для романтической прогулки, а на самом деле на полях писала короткие пометки. Три катера. Пять малых. Каяков меньше заявленного. Деньги через ресепшен. Племянники нервничают при слове бронирование. У неё был мелкий почерк и привычка подчеркивать не слова, а пробелы после них.

Максим заказал кофе. Варя посмотрела на него с благодарностью, которую почти сразу спрятала за шуткой. Он уже начал понимать: если она благодарит вслух, значит, ей легче. Если шутит, значит, не хочет показывать, насколько легче. С ней приходилось слушать не только слова. Приходилось слушать паузы, поворот плеча, пальцы на чашке, слишком быстрый смех.

Кирилл позвонил ближе к полудню. Максим включил громкую связь, Варя наклонилась к телефону, будто они обсуждали меню свадьбы. Артём быстро подтвердил: в документах значились пять рыбацких катеров, семь малых лодок и почти вдвое больше каяков. Расходы на обслуживание тоже шли под полный парк. Если на воде стояло меньше, чем в отчётах, кто-то либо рисовал воздух, либо гонял через бизнес чужие деньги.

После звонка Варя долго молчала. Потом сказала, что им надо аккуратно поговорить с администратором вечерней смены. Максим сказал, что аккуратно значит не лезть в служебный коридор. Варя посмотрела на него слишком невинно. Он понял, что служебный коридор уже есть в её голове. Пришлось напомнить, что они не полиция, не охрана и не бессмертные.

Она не спорила сразу. Это было хуже спора. Когда Варя не спорила, значит, решила сделать по-своему позже. Максим предложил компромисс: сначала разговоры, потом выводы, потом Кирилл решает, надо ли подключать юристов клиента. Варя сказала, что звучит скучно, но разумно. Слово разумно она произнесла так, будто это редкое заболевание.

Во второй половине дня они снова играли пару. Ходили по территории, смотрели площадку для церемонии, обсуждали цветы. Варя на полном серьёзе спрашивала, можно ли поставить арку ближе к воде, потому что на фотографиях будет красиво. Максим отвечал, что ветер унесёт фату. Администратор смеялась и говорила, что жених практичный. Варя сказала, что практичный это вежливое слово для зануды.

И всё же эта игра меняла воздух между ними. Легенда требовала касаний. Рука на спине. Пальцы, сцепленные на дорожке. Его ладонь на её плече, когда они слушали менеджера. Варя держалась хорошо, даже слишком хорошо. Максим хуже. Ему приходилось каждый раз напоминать себе, что это не его жизнь. Это роль. Только тело плохо понимало разницу между ролью и правдой.

К вечеру они уже собрали достаточно, чтобы уехать и передать всё Кириллу. Но такие истории редко отпускают вовремя. Возле ресторана Варя заметила одного из племянников у служебного входа. Он говорил по телефону и был бледнее обычного. Не громкий хозяин жизни, а испуганный мальчишка в дорогой рубашке. Услышав слово наличка, Варя остановилась. Максим тоже.

Он положил руку ей на локоть. Не удержать, не приказать. Просто напомнить, что он рядом. Варя посмотрела на его руку, потом на лицо. В её глазах был азарт, страх и та самая упрямая искра, из-за которой у него сидели мысли. Она тихо сказала, что пять минут. Он ответил: две. Они договорились на три, как будто это было обычное семейное решение.

Через три минуты стало ясно: дело грязнее, чем выглядело утром. Племянник говорил не с поставщиком и не с бухгалтером. Он оправдывался перед человеком, которого боялся. Деньги должны были пройти завтра. Сумма была крупнее обычной. Старик-собственник не должен ничего знать. Варя слушала, не двигаясь. Максим смотрел не на говорящего, а на проходы, двери, отражения в стекле.

Потом племянник резко обернулся. Варя успела рассмеяться первой. Громко, легко, как невеста, которая только что сказала жениху глупость. Максим наклонился к ней и поцеловал в висок. Для легенды. Для прикрытия. Для того, чтобы человек у служебного входа увидел только пару, у которой всё слишком хорошо, чтобы замечать чужие разговоры. Варя замерла на половину секунды, потом обняла его за талию.

Племянник прошёл мимо. Опасность ушла, но поцелуй остался. Не на коже даже, а где-то глубже, в том месте, куда не добираются разумные объяснения. Варя первой отступила. Сказала, что им пора ужинать. Максим кивнул. Оба сделали вид, что ничего не случилось. Они уже умели это делать. Слишком хорошо умели.

В домик вернулись поздно. Кирилл приказал уезжать утром и ничего больше не проверять. Варя возмущалась, но не сильно. Максим видел, что её трясёт после служебного входа, хотя она держала плечи ровно. Он поставил чайник, нашёл в мини-баре печенье, открыл упаковку и молча поставил перед ней. Варя посмотрела на печенье, потом на него. Сказала: ты иногда ужасно хороший. Он ответил: почти.

Ночь снова была длинной. Диван снова коротким. В спальне за стеной Варя тоже не спала, он знал это по редким шагам и скрипу половиц. В какой-то момент она вышла в гостиную за водой. Они встретились в темноте, оба босиком, оба без защиты своих обычных ролей. Она сказала, что не хочет быть чужой трагедией. Он сказал, что она не трагедия. Она живая. И это прозвучало слишком прямо.

Она долго смотрела на него. Потом сказала, что живым людям тоже бывает стыдно хотеть жить дальше. Максим не ответил сразу. Есть слова, которые нельзя перебивать сочувствием. Он только сказал, что стыд не всегда говорит правду. Варя усмехнулась: вот теперь ты почти сказал что-то умное. И ушла в спальню, оставив его с водой, темнотой и пониманием, что утром они уедут другими людьми, даже если будут молчать всю дорогу.

Утро началось с дождя. Лепестки роз на кровати уже убрала горничная, лебеди исчезли, чемоданы снова стояли у двери. Варя складывала вещи кое-как, но на этот раз Максим не поправлял. Ему вдруг стало ясно, что порядок в чужом чемодане не спасает от беспорядка в себе. Варя заметила его взгляд и спросила, не умер ли он от её системы. Он сказал, что адаптируется. Она ответила, что это звучит как угроза.

На ресепшен администратор пожелала им счастья и сказала, что из них получится красивая пара. Варя улыбнулась, поблагодарила, взяла буклеты и вышла первой. Максим расписался в счёте, хотя всё оплачивала компания, и задержался на секунду. Красивые пары, подумал он, тоже иногда состоят из двух людей, которые не знают, можно ли им быть рядом без роли.

В машине Варя молчала почти час. Потом сказала, что Кирилл был прав: плохие идеи иногда вытаскивают правду. Максим спросил, какую правду вытащила эта. Она посмотрела в окно и ответила: пока не знаю. Это был честный ответ. Не удобный, не мягкий, не обещающий. Просто честный. Для первого шага иногда хватает и этого.

К Москве они подъехали уже затемно. Варя уснула на последнем участке дороги, голова повернулась к стеклу, пальцы всё ещё держали буклет Тихой пристани. Максим ехал осторожнее обычного. Не потому, что боялся дороги. Потому что рядом спала женщина, которая попросила мир не трогать её старую боль, а сама сегодня впервые сказала, что хочет жить дальше. Пусть не так прямо. Но он слышал.

У её дома дождь закончился. Граф встретил их у двери и сразу сунул морду в ладонь Максима, будто проверял, вернул ли тот хозяйку целой. Варя взяла чемодан, потом вдруг обернулась и сказала: спасибо, что не делал из меня фарфор. Максим ответил, что старался. Она сказала: старайся дальше. И закрыла дверь.

Он вернулся в машину и долго не заводил двигатель. В отчёте по командировке будут лодки, схемы оплаты, фамилии, риски, рекомендации. Всё нужное. Всё проверяемое. Но настоящая первая глава этой истории останется не в отчёте. Она останется в утреннем звонке, в

чужой рубашке, в коротком поцелуе для прикрытия и в фразе, которую Варя сказала ночью: живым людям тоже бывает стыдно хотеть жить дальше.

Максим не знал, что с этим делать. Но впервые за долгое время не захотел прятаться за формулировкой кадровый риск. Это ещё не было решением. Скорее признанием, что торг с самим собой затянулся и цена растёт. А когда цена растёт каждый день, хороший переговорщик перестаёт делать вид, что сделки нет.

На причале пахло водой, бензином и мокрым деревом. Варя шла чуть впереди, будто просто любовалась видом, но Максим видел, как она считает. Три больших катера, пять лодок поменьше, ряд каяков, часть пустых мест на стойках. В документах, которые прислал Кирилл, цифры были другими. Не сильно другими, если смотреть сонным взглядом. Достаточно другими, если помнить, что деньги любят именно такие щели.

У прокатчика было лицо человека, который привык отвечать на вопросы туристов, но не привык, когда туристы слушают ответы слишком внимательно. Варя спросила про прогулку на закате, потом про рыбалку, потом про то, можно ли заказать две лодки для гостей свадьбы. Парень сначала сказал, что свободных почти нет. Потом зачем-то добавил, что парк у них большой. Максим посмотрел на воду. Большого парка он не видел.

Варя поблагодарила, взяла буклет и, уже отходя, сказала, что лодки красивые. Особенно все пять рыбацких. Парень машинально поправил: три. Потом понял, что сказал, и начал объяснять про сезон, ремонт и вторую площадку. Объяснял плохо. Варя улыбалась так мягко, что со стороны это выглядело почти заботой. Максим знал: она уже держит нитку.

Они сели за столик у воды. Варя открыла буклет, сделала вид, что выбирает маршрут для романтической прогулки, а на самом деле на полях писала короткие пометки. Три катера. Пять малых. Каяков меньше заявленного. Деньги через ресепшен. Племянники нервничают при слове бронирование. У неё был мелкий почерк и привычка подчеркивать не слова, а пробелы после них.

Максим заказал кофе. Варя посмотрела на него с благодарностью, которую почти сразу спрятала за шуткой. Он уже начал понимать: если она благодарит вслух, значит, ей легче. Если шутит, значит, не хочет показывать, насколько легче. С ней приходилось слушать не только слова. Приходилось слушать паузы, поворот плеча, пальцы на чашке, слишком быстрый смех.

Кирилл позвонил ближе к полудню. Максим включил громкую связь, Варя наклонилась к телефону, будто они обсуждали меню свадьбы. Артём быстро подтвердил: в документах значились пять рыбацких катеров, семь малых лодок и почти вдвое больше каяков. Расходы на обслуживание тоже шли под полный парк. Если на воде стояло меньше, чем в отчётах, кто-то либо рисовал воздух, либо гонял через бизнес чужие деньги.

После звонка Варя долго молчала. Потом сказала, что им надо аккуратно поговорить с администратором вечерней смены. Максим сказал, что аккуратно значит не лезть в служебный коридор. Варя посмотрела на него слишком невинно. Он понял, что служебный коридор уже есть в её голове. Пришлось напомнить, что они не полиция, не охрана и не бессмертные.

Она не спорила сразу. Это было хуже спора. Когда Варя не спорила, значит, решила сделать по-своему позже. Максим предложил компромисс: сначала разговоры, потом выводы, потом Кирилл решает, надо ли подключать юристов клиента. Варя сказала, что звучит скучно, но разумно. Слово разумно она произнесла так, будто это редкое заболевание.

На причале пахло водой, бензином и мокрым деревом. Варя шла чуть впереди, будто просто любовалась видом, но Максим видел, как она считает. Три больших катера, пять лодок поменьше, ряд каяков, часть пустых мест на стойках. В документах, которые прислал Кирилл, цифры были другими. Не сильно другими, если смотреть сонным взглядом. Достаточно другими, если помнить, что деньги любят именно такие щели.

У прокатчика было лицо человека, который привык отвечать на вопросы туристов, но не привык, когда туристы слушают ответы слишком внимательно. Варя спросила про прогулку

на закате, потом про рыбалку, потом про то, можно ли заказать две лодки для гостей свадьбы. Парень сначала сказал, что свободных почти нет. Потом зачем-то добавил, что парк у них большой. Максим посмотрел на воду. Большого парка он не видел.

Варя поблагодарила, взяла буклет и, уже отходя, сказала, что лодки красивые. Особенно все пять рыбацких. Парень машинально поправил: три. Потом понял, что сказал, и начал объяснять про сезон, ремонт и вторую площадку. Объяснял плохо. Варя улыбалась так мягко, что со стороны это выглядело почти заботой. Максим знал: она уже держит нитку.

Они сели за столик у воды. Варя открыла буклет, сделала вид, что выбирает маршрут для романтической прогулки, а на самом деле на полях писала короткие пометки. Три катера. Пять малых. Каяков меньше заявленного. Деньги через ресепшен. Племянники нервничают при слове бронирование. У неё был мелкий почерк и привычка подчеркивать не слова, а пробелы после них.

Максим заказал кофе. Варя посмотрела на него с благодарностью, которую почти сразу спрятала за шуткой. Он уже начал понимать: если она благодарит вслух, значит, ей легче. Если шутит, значит, не хочет показывать, насколько легче. С ней приходилось слушать не только слова. Приходилось слушать паузы, поворот плеча, пальцы на чашке, слишком быстрый смех.

Кирилл позвонил ближе к полудню. Максим включил громкую связь, Варя наклонилась к телефону, будто они обсуждали меню свадьбы. Артём быстро подтвердил: в документах значились пять рыбацких катеров, семь малых лодок и почти вдвое больше каяков. Расходы на обслуживание тоже шли под полный парк. Если на воде стояло меньше, чем в отчётах, кто-то либо рисовал воздух, либо гонял через бизнес чужие деньги.

После звонка Варя долго молчала. Потом сказала, что им надо аккуратно поговорить с администратором вечерней смены. Максим сказал, что аккуратно значит не лезть в служебный коридор. Варя посмотрела на него слишком невинно. Он понял, что служебный коридор уже есть в её голове. Пришлось напомнить, что они не полиция, не охрана и не бессмертные.

Она не спорила сразу. Это было хуже спора. Когда Варя не спорила, значит, решила сделать по-своему позже. Максим предложил компромисс: сначала разговоры, потом выводы, потом Кирилл решает, надо ли подключать юристов клиента. Варя сказала, что звучит скучно, но разумно. Слово разумно она произнесла так, будто это редкое заболевание.

На причале пахло водой, бензином и мокрым деревом. Варя шла чуть впереди, будто просто любовалась видом, но Максим видел, как она считает. Три больших катера, пять лодок поменьше, ряд каяков, часть пустых мест на стойках. В документах, которые прислал Кирилл, цифры были другими. Не сильно другими, если смотреть сонным взглядом. Достаточно другими, если помнить, что деньги любят именно такие щели.

У прокатчика было лицо человека, который привык отвечать на вопросы туристов, но не привык, когда туристы слушают ответы слишком внимательно. Варя спросила про прогулку на закате, потом про рыбалку, потом про то, можно ли заказать две лодки для гостей свадьбы. Парень сначала сказал, что свободных почти нет. Потом зачем-то добавил, что парк у них большой. Максим посмотрел на воду. Большого парка он не видел.

Варя поблагодарила, взяла буклет и, уже отходя, сказала, что лодки красивые. Особенно все пять рыбацких. Парень машинально поправил: три. Потом понял, что сказал, и начал объяснять про сезон, ремонт и вторую площадку. Объяснял плохо. Варя улыбалась так мягко, что со стороны это выглядело почти заботой. Максим знал: она уже держит нитку.

Они сели за столик у воды. Варя открыла буклет, сделала вид, что выбирает маршрут для романтической прогулки, а на самом деле на полях писала короткие пометки. Три катера. Пять малых. Каяков меньше заявленного. Деньги через ресепшен. Племянники нервничают при слове бронирование. У неё был мелкий почерк и привычка подчеркивать не слова, а пробелы после них.

Максим заказал кофе. Варя посмотрела на него с благодарностью, которую почти сразу спрятала за шуткой. Он уже начал понимать: если она благодарит вслух, значит, ей легче. Если шутит, значит, не хочет показывать, насколько легче. С ней приходилось слушать не только слова. Приходилось слушать паузы, поворот плеча, пальцы на чашке, слишком быстрый смех.

Кирилл позвонил ближе к полудню. Максим включил громкую связь, Варя наклонилась к телефону, будто они обсуждали меню свадьбы. Артём быстро подтвердил: в документах значились пять рыбацких катеров, семь малых лодок и почти вдвое больше каяков. Расходы на обслуживание тоже шли под полный парк. Если на воде стояло меньше, чем в отчётах, кто-то либо рисовал воздух, либо гонял через бизнес чужие деньги.

После звонка Варя долго молчала. Потом сказала, что им надо аккуратно поговорить с администратором вечерней смены. Максим сказал, что аккуратно значит не лезть в служебный коридор. Варя посмотрела на него слишком невинно. Он понял, что служебный коридор уже есть в её голове. Пришлось напомнить, что они не полиция, не охрана и не бессмертные.

Она не спорила сразу. Это было хуже спора. Когда Варя не спорила, значит, решила сделать по-своему позже. Максим предложил компромисс: сначала разговоры, потом выводы, потом Кирилл решает, надо ли подключать юристов клиента. Варя сказала, что звучит скучно, но разумно. Слово разумно она произнесла так, будто это редкое заболевание.

Глава 3. Там, где смеются слишком громко

Утром я понял, что отпуском это назвать не получится.

В комнате пахло влажным деревом, морской солью и тем чужим дорогим мылом, которое кладут в гостиницах так, будто маленький брусок способен доказать человеку, что он живет правильно. За окном шуршали пальмы. Где-то ниже, ближе к пляжу, смеялись люди. Не громко, не пьяно, а легко, как смеются те, кто приехал сюда целоваться у воды, есть фрукты руками и фотографировать друг друга на фоне заката.

Я лежал на узком диване в гостиной и смотрел в потолок. У потолка не было трещины, как у меня дома. Он был ровный, белый, слишком аккуратный. Даже это раздражало. В настоящем жилье должна быть хоть какая-то мелочь, которая цепляет глаз и напоминает, что здесь живут люди, а не рекламный буклет.

За закрытой дверью спальни молчала Варя.

Молчала она громко. Есть такие люди. Они могут ничего не говорить, но их присутствие все равно занимает место. Варя вообще была из тех женщин, рядом с которыми комната казалась теснее. Не из-за роста, нет. Она была невысокая, тонкая, с рыжими волосами, которые никогда не слушались ни расчески, ни здравого смысла. Но в ней было движение. Она смеялась резко, говорила быстро, спорила так, будто у нее за спиной стояла целая армия, хотя чаще всего у нее за спиной был только пес, две подруги и полная уверенность, что жизнь слишком коротка для скучных ответов.

Я не должен был думать о ней с утра.

У меня была работа. У нас была легенда. Мы приехали в закрытый курорт на юге как молодая пара, которая якобы празднует тихий медовый месяц. На деле мы должны были понять, почему у хорошего на вид бизнеса цифры в отчетах пахнут тухлой рыбой. Так это назвал Антон, когда давал нам папку с документами. Он вообще любил простые формулировки. Если компания была нечестной, он не говорил про сомнительные практики. Он говорил: тут кто-то держит нас за дураков. Если цифры не сходились, он говорил: тут каша, а в каше мышь.

В этой каше мышь была крупная.

Я сел, потер лицо ладонями и прислушался. Душ не шумел. Чемодан не открывался. Варя не напевала себе под нос, как обычно делала по утрам, когда была в хорошем настроении или делала вид, что она в хорошем настроении. Значит, думала.

После вчерашнего ей было о чем думать.

Вчера мы заселились в виллу, которая явно стоила больше, чем вся моя первая машина, и сразу поняли, что Антон с Димой решили сыграть в богов. Слишком хорошая комната. Слишком отдельный домик. Слишком большая кровать, усыпанная лепестками, будто мы действительно собирались тратить время на то, на что ее обычно и бронируют.

Варя тогда посмотрела на эту кровать, потом на меня, потом снова на кровать и сказала: «Ну что, командир, я буду спать в ванной. Там хотя бы кафель честный».

Я сказал, что она будет спать в спальне, а я на диване.

Она сказала, что диван рассчитан на людей, а не на грузовые автомобили.

Я сказал, что разговор окончен.

Она посмотрела на меня тем взглядом, которым обычно смотрела перед тем, как сделать ровно наоборот. Я уже знал этот взгляд. Сначала чуть прищуривалась. Потом уголок губ поднимался. Потом она говорила что-нибудь вроде: «Конечно, как скажете, ваше превосходительство». После этого можно было ждать беды.

Беды не случилось. Почти.

Она оставила свои сандалии посреди гостиной. Я поставил их у двери. Она снова прошла через комнату и оставила их под столом. Я снова поставил их у двери. Она третий раз подошла к двери, сунула ногу в сандалию, посмотрела на меня и медленно, демонстративно сняла ее прямо там, где стояла.

Я унес ее в ванную.

Не так, как хотел бы. Не так, как это выглядело бы в дешевой истории, где взрослые люди сразу забывают все причины, по которым им нельзя касаться друг друга. Я просто поднял ее одной рукой, как мешок с бельем, и поставил за порог.

Она смеялась.

Я тоже чуть не засмеялся, но вовремя вспомнил, что мне тридцать восемь, я ее руководитель, у нас задание, а за дверью спальни стоит кровать, которую лучше не замечать.

Теперь она молчала.

Я встал, прошел на кухню и налил воды. В холодильнике стояли бутылки с идеально ровными этикетками, фрукты, маленькие баночки с йогуртом и шампанское. Люди, которые продумывали такие номера, явно были уверены, что у молодоженов нет желудка, а есть только настроение. Мне хотелось кофе, яичницу и нормальную работу.

Телефон на столе мигнул.

Сообщение от Антона.

«Созвон в девять. Посмотрите расчеты по причалу. И не убейте друг друга до обеда».

Я посмотрел на часы. Было восемь сорок.

Дверь спальни открылась.

Варя вышла босиком, в простой белой рубашке и коротких шортах. Волосы собраны кое-как, несколько прядей упали на лицо. Она выглядела так, как человек выглядит утром, когда еще не надел на себя ни защиту, ни шутку, ни роль.

Это было опасно.

Гораздо опаснее, чем вчерашние сандалии.

Я отвернулся к кофемашине, потому что знал: если буду смотреть еще секунду, скажу что-нибудь лишнее. Или не скажу, что хуже.

«Доброе утро, генерал порядка», сказала она.

Голос у нее был уже почти обычный. Почти.

«Кофе?»

«Если ты умеешь пользоваться этой штукой, я готова признать в тебе следы цивилизации».

«Сядь. Через минуту будет».

Она села на высокий стул у стойки и положила подбородок на ладонь.

«Ты ночью спал?»

«Да».

«Врешь плохо».

«Ты спрашивала из вежливости?»

«Нет. Я спрашивала, чтобы решить, можно ли сегодня раздражать тебя в полную силу или лучше оставить половину на вечер».

Я поставил перед ней чашку. Она вдохнула запах кофе так, будто это был не напиток, а медицинская помощь.

«В полную силу рано», сказал я. «У нас в девять Антон».

«Вот видишь. День испорчен еще до завтрака».

Она сделала глоток и закрыла глаза. И снова молчание. На этот раз уже не тяжелое, а осторожное. Между нами стояли не только чемоданы, работа и легенда. Между нами стоял тот поцелуй, который случился несколько месяцев назад в офисе, поздно вечером, когда все ушли, а она принесла мне отчет и осталась спорить про один пункт.

Я тогда нарушил собственное правило.

Сначала сказал себе, что просто уберу прядь волос с ее лица. Потом понял, что моя рука уже у ее щеки. Она не отступила. Даже наоборот, на секунду замерла, как человек, который слишком долго держал дверь закрытой, а теперь услышал за ней голос. Я поцеловал ее. И несколько секунд она отвечала так, будто весь этот год мы занимались только тем, что шли к этому поцелую через совещания, отчеты, чужие сделки и ее насмешки.

Потом она отстранилась.

В ее глазах была такая боль, что я до сих пор помнил, как у меня холодеет спина.

После этого мы сделали вид, что ничего не было.

Взрослые люди часто так поступают. Просто иногда проще спрятать случившееся под привычные слова. Она опять стала называть меня шкафом, медведем, начальником караула и еще десятком имен, которые нормальная сотрудница не говорила бы своему руководителю. Я снова стал рычать, поправлять отчеты и держать дистанцию.

Дистанция была ложью.

Она это знала. Я тоже.

Телефон зазвонил ровно в девять.

Я включил громкую связь. Антон поздоровался без предисловий. На заднем плане у него кто-то спорил, хлопали двери, звякнула чашка. Обычное утро в нашей компании. Там люди умели зарабатывать большие деньги, но не умели закрывать двери тихо.

«Вы документы смотрели?» спросил он.

«Смотрели», сказал я.

Варя придвинула к себе распечатки. Она уже успела разложить листы по стопкам, хотя вчера смеялась надо мной за порядок. У нее вообще был свой порядок. Вещи она разбрасывала как попало, зато цифры держала в голове лучше многих финансистов.

«По номерному фонду все чисто», сказала она. «Заполняемость высокая, скидки разумные, ресторан дает нормальную маржу. По персоналу есть вопрос, но не страшный. Они держат двух управляющих там, где хватило бы одного сильного. Зато сервис хороший. Для такого места это не роскошь, а страховка от плохих отзывов».

Антон хмыкнул.

«А причал?»

Я взял лист с договором.

«Курорт не сдает место оператору напрямую. Он сам принимает оплату за лодки, рыбалку, дайвинг, каяки, а потом перечисляет деньги отдельной фирме. Себе оставляет смешную комиссию. Работы много, выгоды почти нет».

«И зачем им это?»

«Пока не знаю».

Варя постучала пальцем по таблице.

«Еще странно, что расходы по обслуживанию лодок проходят через курорт частично, хотя лодки вроде бы не его. Топливо тоже местами пляшет. В мае будто вышли почти все суда, каждый день, с полной загрузкой. Но в отзывах людей за май я видела жалобы, что рыбалку отменяли из-за ремонта двух катеров».

Антон замолчал. Когда он молчал после вопроса, это значило, что ему стало интересно. Когда молчал после ответа, что-то уже не нравилось.

«Вы сегодня можете посмотреть причал глазами?»

«Можем», сказал я.

«Только без подвигов».

Я посмотрел на Варю. Она сделала вид, что не поняла, к кому это относится.

«Антон», сказала она сладким голосом, «я вообще образец осторожности».

«Угу. Поэтому ты в прошлом месяце вылезла через окно архива, когда тебя там случайно закрыли».

«Там было душно».

«Там была дверь».

«Она была с другой стороны».

Я потер переносицу.

Антон засмеялся.

«Мне нужны факты. Сколько лодок, кто продает экскурсии, кто принимает оплату, кто дает распоряжения. Не лезьте к владельцам. Не спорьте с местными. Не изображайте разведку в кино. Вы молодожены, вам положено пить коктейли и вести себя глупо».

«С этим справимся», сказала Варя.

«За тебя не сомневаюсь».

Связь оборвалась.

Я посмотрел на нее.

«Что?» спросила она.

«Ничего».

«У тебя лицо, как у человека, который заранее устал от моей гениальности».

«У меня лицо человека, который хочет дожить до обратного рейса».

«Скучная цель».

Она спрыгнула со стула, подошла к двери и стала искать сандалии под диваном. Потом под столом. Потом у кресла.

Я молча указал на дверь.

Она посмотрела туда, увидела обувь и вздохнула.

«Ты невозможен».

«Зато полезен».

«Иногда».

Мы вышли из виллы через десять минут. Солнце уже давило на плечи. Песок был белый и мягкий, как мука. Дорожка вела через заросли к главному корпусу. Там начиналась та часть курорта, где люди хотели видеть друг в друге только счастливых отдыхающих.

У бассейна официант нес поднос с высокими стаканами. Женщина в широкополой шляпе ругала мужа за то, что он забыл крем. Молодая пара фотографировала кольца на фоне пальмы. У бара сидели двое мужчин в одинаковых льняных рубашках и смотрели на всех так, будто остров принадлежал им.

Братья Мартыновы.

По документам они числились исполнительными директорами. По виду они исполняли только роль богатых бездельников, которым слишком рано дали доступ к чужим деньгам. Старший, Илья, был широкоплечий, загорелый, с улыбкой человека, привыкшего, что ему верят быстрее, чем он успевает придумать ответ. Младший, Артем, выглядел нервнее. У него постоянно дергался взгляд, будто он ждал, что кто-то сейчас назовет его по настоящему имени в месте, где он представился другим.

Я заметил их еще вчера. Они смеялись с гостями, пили с гостями, флиртовали с гостями, но ни разу не подошли к стойке регистрации, не поговорили с персоналом, не решили ни одного вопроса. Настоящий руководитель в отеле виден сразу. Он не обязательно бегаёт с папкой, но люди смотрят на него, когда что-то происходит. На этих никто не смотрел.

Кроме женщин у бара.

Варя тоже посмотрела.

«Даже не думай», сказал я.

«О чем?»

«Ты знаешь».

«Я просто оцениваю деловую репутацию».

«Ты оцениваешь, как быстро они начнут рассказывать тебе лишнее».

Она улыбнулась.

«Ну и как?»

«Слишком быстро».

«Значит, работа пойдет хорошо».

Я хотел сказать, что работа не должна идти через их руки на ее талии. Но не сказал. Ревность в рабочей командировке выглядит особенно глупо. Она мешает думать. А мне надо было думать.

Мы пошли к зоне причала. Там было тише. Музыка от бассейна доносилась кусками, словно ее кто-то резал ветром. На длинной деревянной платформе стояли люди в шортах и ярких жилетах. Инструктор объяснял пожилой паре, как пользоваться масками. Рядом двое подростков спорили, кто сядет в красный каяк. У будки с вывеской «Морские прогулки» скучал парень лет двадцати пяти, темный, худой, с выгоревшими волосами.

На стойке лежали брошюры. Рыбалка на полдня. Дайвинг у рифа. Прогулка на закате. Аренда каяка. Все красиво, дорого и без ошибок.

Варя взяла брошюру, повернулась ко мне и тут же стала другой.

Я видел это много раз, но каждый раз удивлялся.

Спина расслабилась. Глаза стали чуть шире. Голос поднялся на полтона. Умная, собранная женщина исчезла. Передо мной стояла туристка, которая может забыть сумку на стуле и через минуту подружиться с вором, пока тот вытаскивает у нее кошелек.

«Милый», протянула она, «давай возьмем каяк. Красный. Нет, оранжевый. Хотя красный лучше для фотографий».

Парень у стойки оживился.

«Каяки можно взять через ресепшен», сказал он по-английски с местным акцентом.

Варя перешла на английский так легко, будто всю жизнь болтала на нем о цвете каяков.

«Ой, правда? А я думала, у вас тут все сразу. Мы только приехали, я еще путаюсь. Тут так красиво, что я перестаю понимать правила».

Парень улыбнулся.

Люди любят, когда им дают шанс быть полезными. Особенно красивые женщины умеют пользоваться этой слабостью. Варя пользовалась не красотой, хотя ее хватало. Она пользовалась вниманием. Она слушала так, что человеку становилось приятно говорить.

Через пять минут мы знали, что парня зовут Лукас, что он работает здесь второй сезон, что самые дорогие прогулки уходят с утра, что рыбалку надо бронировать заранее, а каяки почти всегда есть.

«Сколько их у вас?» спросила Варя, крутя брошюру.

Лукас пожал плечами.

«Каяков? Не знаю. Много».

«Двадцать?»

«Больше».

«Сорок?»

Он засмеялся.

«Нет. Стойка на двадцать восемь мест, но один сломан. Сейчас, наверное, двадцать семь».

Варя не посмотрела на меня. Хорошо. Она умела не смотреть, когда слышала нужное.

По отчету их было сорок четыре.

«А лодки?» спросила она, будто просто продолжала болтать. «Я хочу рыбалку, а муж говорит, что я через десять минут начну скучать и всех раздражать».

«Он прав», сказал я.

Она ударила меня брошюрой по груди.

Лукас рассмеялся.

«Для рыбалки три катера. Все заняты на неделю вперед. Если хотите, могу попросить стойку поставить вас в лист ожидания».

Три.

В отчете было пять.

Я почувствовал знакомое тихое движение внутри. Не страх, нет. Скорее то состояние, когда в комнате еще все улыбаются, но ты уже знаешь: под столом лежит нож.

«А дайвинг?» спросила Варя.

«Пять лодок. Иногда шесть, если берут старую, но она сейчас чаще стоит».

По отчету семь, каждый день по три выхода.

Варя засияла.

«Ты слышал? Пять лодок, три катера, двадцать семь каяков. Нам нужно все попробовать».

Она произнесла цифры вслух. Слишком радостно, слишком по-туристски. Лукас не насторожился. Я тоже улыбнулся, как муж, который давно смирился с тем, что жена управляет отпуском.

Мы отошли от стойки и пошли вдоль причала. Я держал ее за руку. Для легенды. И еще потому, что это позволяло вести ее рядом, не давая свернуть туда, куда она наверняка захочет свернуть.

«Ты сжимаешь мне пальцы», сказала она тихо.

Я ослабил хватку.

«У нас проблема».

«У нас подтверждение».

«Это не одно и то же».

«Конечно. Проблема была в таблице. Подтверждение стоит у воды и пахнет бензином».

Она говорила спокойно. Слишком спокойно. Варя часто шутила, когда дело становилось серьезным. Это был ее способ не показать, что она тоже все поняла.

Мы дошли до края причала. У дальней тумбы был привязан белый катер. На борту свежая краска, блестящие поручни, аккуратные сиденья. Хорошая техника. Дорогая. Но рядом с ним стояли два бака топлива, и один был почти пуст. Я посмотрел на маркировку, на шланги, на журнал у будки, куда инструкторы отмечали выходы.

«Не трогай», сказала Варя.

Я усмехнулся.

«Теперь ты меня учишь осторожности?»

«Нет. Я предупреждаю, что если ты начнешь проверять журнал при людях, мне придется отвлекать их чем-то эффектным, а я сегодня не настроена падать в воду».

«Боишься рыб?»

Она посмотрела на поверхность лагуны. Под водой мелькнули серебристые тени.

«Я уважаю их право жить отдельно от меня».

На этом можно было бы закончить осмотр и уйти. Мы уже получили главное. Но работа редко заканчивается в тот момент, когда разумный человек говорит себе: хватит. Всегда находится еще один вопрос, еще одна дверь, еще одна мелочь, которую хочется проверить сразу, пока нить в руках.

Этой мелочью стала женщина в синей форме администратора, которая вышла из служебного прохода и направилась к причалу с планшетом. Лукас, увидев ее, сразу выпрямился. Не испугался, но собрался. Значит, она была не просто администратором.

«Кто это?» спросила Варя, улыбаясь Лукасу, когда тот проходил мимо нас с жилетами.

«Марина. Главный менеджер по гостям. Она все тут держит».

Вот к кому смотрят люди, когда что-то происходит.

Марина остановилась у будки и стала быстро говорить с Лукасом. Мы были далеко, слов не слышали, но видели жесты. Она показала на список, потом на катер, потом на часы. Не суежилась. Не давила. Просто решала.

Через минуту к ней подошел Илья Мартынов.

Он шел с улыбкой. Слишком широкой. Марина не улыбнулась. И это было лучше любого документа.

Она сказала ему что-то коротко. Он развел руками. Она снова показала на планшет. Он наклонился ближе, будто хотел говорить тише. Она отступила на полшага. Внешне ничего особенного. Но в таких полшага иногда вся правда.

«Она его не уважает», сказала Варя.

«Нет».

«И он это знает».

«Да».

«Значит, он будет лезть туда, где его слушают».

Я посмотрел на нее.

«К тебе?»

«Например».

«Нет».

«Кирилл».

Она редко называла меня по имени в таком тоне. Без шутки. Без иглы. Просто как взрослый человек, который просит не мешать.

«Нет», повторил я.

Она убрала руку из моей ладони.

«Ты не можешь запретить мне делать работу».

«Могу запретить делать ее опасно».

«Опасно уже случилось, когда Антон отправил нас сюда как молодоженов. Все остальное детали».

«Варя».

Она повернулась ко мне лицом. Солнце било ей в глаза, и она щурилась.

«Ты думаешь, я не понимаю? Они проводят деньги через несуществующие лодки. Возможно, через них кто-то моет взятки или еще что-то. Возможно, эти два идиота даже не понимают, во что влезли. Нам нужны не только цифры, а кто и как принимает решения. И если Илья хочет изображать перед гостями хозяина жизни, он скажет лишнее быстрее мне, чем тебе».

Она была права.

Вот что злило сильнее всего.

Мне проще было бы спорить, если бы она неслась чушь. Но она видела людей точно. По-другому, чем я, но точно. Я оценивал угрозу. Она оценивала тщеславие, слабость, желание понравиться, страх выглядеть глупо. В обычной жизни эти навыки кажутся пустяком. В нашей работе они приносили деньги и спасали от ошибок.

Я не хотел, чтобы они спасали кого угодно ценой ее безопасности.

«Мы сделаем это вместе», сказал я.

«Как трогательно. Муж разрешил жене работать под присмотром».

«Не начинай».

«Я уже почти закончила».

Она снова улыбнулась, и роль вернулась на место.

Мы пошли обратно к бассейну, где братья Мартыновы уже сидели у бара. Илья заметил Варю сразу. Мужчины такого типа всегда замечали женщин, которые могли стать зеркалом для

их самолюбия. Варя это понимала. Она шла не к нему, а как будто мимо, слегка замедлившись у стойки.

«Ой, это вы здесь всем управляете?» спросила она по-английски, но с легким русским акцентом, который специально не прятала.

Илья поднял бокал.

«Мы стараемся».

«Тогда я должна пожаловаться».

Он оживился. Ему понравилась игра.

«На что же?»

«На то, что мой муж не хочет брать меня на рыбалку. Говорит, я буду мешать капитану, рыбе и мировому порядку».

Артем засмеялся слишком громко. Илья посмотрел на меня, оценивая. Я сделал то, что от меня требовалось: изобразил большого молчаливого мужа, которому проще поднять чемодан, чем поддерживать светскую беседу.

«Может, ваш муж просто боится, что вы поймаете больше него», сказал Илья.

Варя открыла рот, будто эта мысль поразила ее.

«Вот! Я же говорила. Вы умный человек».

Он расправил плечи. Смешно, как мало иногда нужно взрослому мужчине.

Мы сели у бара. Я заказал воду. Варя заказала что-то розовое, сладкое и явно ненужное. Братья заказали еще по коктейлю, хотя было едва за полдень.

Разговор пошел легко. Сначала погода. Потом курорт. Потом Москва, Нью-Йорк, вино, яхты, смешные гости, глупые гости, богатые гости. Илья говорил много. Артем вставлял короткие фразы, иногда заикался, потом раздражался на себя и пил быстрее.

Варя смеялась там, где надо. Задавала вопросы так, будто ей просто любопытно, как устроена красивая жизнь.

«Наверное, тяжело всем этим управлять», сказала она. «Столько людей, лодки, рестораны, пляж. Я бы перепутала все уже в первый день».

Илья махнул рукой.

«Для этого есть менеджеры».

«Но вы же главные».

«Ну конечно».

Он сказал это слишком быстро.

«То есть если я хочу попасть на рыбалку без очереди, мне надо просить вас?»

Илья посмотрел на Артема. Тот опустил глаза в стакан.

«Посмотрим, что можно сделать».

«Правда?»

«Для красивой девушки всегда можно что-то сделать».

Я медленно поставил стакан на стойку.

Варя чуть коснулась моего колена под баром. Предупреждение. Не сейчас.

Илья заметил движение, но понял его по-своему. Улыбнулся шире.

«Не переживайте, друг. У нас здесь все прилично».

«Я не переживаю», сказал я.

«Вот и правильно. Отдыхайте. Жизнь короткая».

Он сказал это легко.

Слишком легко для человека, который не держал умирающего друга за руку. Не видел, как короткая жизнь выглядит без музыки, без бара, без шутки. Я почувствовал старую жесткость в груди и заставил себя вдохнуть ровно.

Варя услышала, хотя я ничего не сказал. Ее плечо на миг напряглось.

Она знала про мой прошлый мир не все. Никто не знал все. Да и незачем. Я сам не всегда хотел помнить. Война не уходила красиво, как актер со сцены. Она оставалась в запахах, в резких звуках, в привычке сидеть лицом к двери, в том, что ты замечаешь свободные выходы быстрее, чем меню.

И в том, что слова «жизнь короткая» иногда хочется выбить человеку обратно в горло.

Варя повернулась к Илье.

«А вы давно здесь?»

«Достаточно».

«И не надоедает?»

«Красивые женщины не надоедают».

Он уже перестал говорить о курорте. Теперь говорил о себе. Значит, скоро начнет хвастаться.

«Но бизнес сложный», продолжала она. «Мне кажется, тут все должно быть очень точно. Ну, билеты, лодки, расписания. А если кто-то ошибся?»

Артем вдруг сказал:

«Ошибаются все».

Илья бросил на него взгляд.

«У нас хорошие люди. Все под контролем».

«Даже деньги?» спросила Варя с наивной улыбкой.

Повисла пауза.

Маленькая. Почти незаметная. Но я ее увидел. Илья замер на долю секунды. Артем поднес стакан ко рту и не сделал глоток.

Варя тоже поняла, что подошла слишком близко.

Она тут же хлопнула ладонью по стойке.

«Ой, я звучала как моя тетя-бухгалтер. Ужас. Простите. Она всю жизнь считает чужие чеки и говорит, что романтика погибает от неправильной отчетности».

Илья рассмеялся. Поздно, но рассмеялся.

«Ваша тетя права. Деньги любят порядок».

«Кирилл тоже так говорит. Он у меня скучный».

«Зато надежный», сказал я.

Она посмотрела на меня так мягко, что у меня сбилось дыхание.

Это был взгляд для легенды. Я знал. Но тело не всегда слушает голову.

«Да», сказала она. «Надежный».

На секунду вокруг будто стало тише.

Потом Артем задел локтем стакан, лед звякнул, и момент кончился.

Мы ушли через двадцать минут. Илья обещал узнать про рыбалку. Артем почти не говорил. Марина, проходя мимо бара, посмотрела на нас один раз. Взгляд у нее был внимательный. Не враждебный. Просто она запоминала.

У главного корпуса Варя наконец выдохнула.

«Ну?»

«Ты спросила про деньги слишком рано».

«Знаю».

«Зачем?»

«Хотела увидеть лицо».

«Увидела?»

«Да».

«И?»

Она потерла лоб.

«Илья боится потерять удобную кормушку. Артем боится кого-то конкретного. Не брата. Кого-то вне курорта».

Я кивнул. У меня было то же чувство.

Мы вернулись в виллу, закрыли дверь и только там позволили себе говорить нормально. Я набрал Антона. Он ответил сразу.

«Слушаю».

Я коротко передал цифры: три рыболовных катера вместо пяти, пять лодок для дайвинга вместо семи, двадцать семь каяков вместо сорока четырех. Варя добавила про реакцию братьев, про Марину, про то, что реальный операционный контроль у менеджеров.

Антон не перебивал.

Когда мы закончили, он сказал:

«Уходите оттуда».

Варя подняла глаза.

«Что?»

«Собирайте вещи и уходите. Сегодня».

«Антон, мы только начали».

«Вы не аудиторы на проверке склада. Если через несуществующие лодки гоняют деньги, там может быть кто угодно. Взятки, налоговая грязь, наличка с наркотиков, мне все равно. Вы не для этого туда поехали».

Я уже встал и пошел к спальне за паспортами.

Варя смотрела на телефон.

«Нам нужны доказательства».

«Мне нужны живые сотрудники», сказал Антон. «Доказательства пусть собирают те, кому за это платят из бюджета».

Я открыл сейф, достал документы, положил в рюкзак. Деньги, карты, ее маленькую косметичку, которую она называла аварийной, хотя там были помада, пластырь, обезболивающее и складной нож. Последний пункт она объясняла тем, что женщина должна быть готова к разным типам свиданий.

«Кирилл», сказала она.

Я вышел в гостиную.

«Мы уезжаем».

«Нельзя просто сбежать. Они поймут».

«Пусть понимают после того, как мы будем в самолете».

Антон в телефоне сказал:

«Машина будет через сорок минут. Я поднимаю частный борт. До аэропорта двадцать пять минут. Не идите через главный холл, если можно».

«Можно через пляж к служебной дороге», сказала Варя. «Я видела утром, туда возили белье».

Я посмотрел на нее.

Она пожала плечами.

«Я замечаю не только сандалии».

Антон сухо сказал:

«Вот через нее и идите. Связь не выключать».

Мы начали собираться быстро. Не красиво, не как в кино. Я швырял вещи в чемодан без своего обычного порядка. Варя сначала пыталась складывать, потом поняла, что сейчас не тот случай, и просто запихнула платья поверх обуви.

«Оставь половину», сказал я.

«Там мои любимые босоножки».

«Купишь новые».

«Мужчина, который так говорит, не должен жениться».

«Мы уже женаты по документам курорта».

«Тогда развод будет тяжелым».

Она шутила, но руки у нее дрожали.

Я подошел и взял ее за запястья.

«Посмотри на меня».

Она подняла глаза.

«Все нормально».

«Ненавижу эту фразу».

«Я знаю».

«Она ничего не значит».

«Значит. Сейчас значит, что ты идешь рядом со мной, не споришь, не сворачиваешь проверить еще одну дверь и не пытаешься спасти отчет Антона ценой собственной шкуры».

Она хотела ответить. Я видел, как уже готова фраза, резкая и умная. Но не сказала.

«Хорошо», произнесла она тихо.

Я отпустил ее руки.

Мы вышли через заднюю дверь виллы через двенадцать минут. Чемоданы оставили. Взяли только рюкзак и ее сумку. Снаружи солнце стало ярче, чем утром. На пляже люди лежали под зонтами. Кто-то играл с ребенком у воды. Обычная красивая картинка, в которой мы теперь видели слишком много углов.

Мы пошли вдоль кустов, не по главной дорожке. Варя держалась рядом. Ни одного вопроса, ни одной шутки. Это пугало больше, чем ее разговоры.

До служебной дороги оставалось метров сто, когда за спиной послышался голос.

«Эй! Молодожены!»

Илья.

Я не остановился сразу. Сначала оценил расстояние до поворота, людей вокруг, открытую площадку справа, каменную стену у душевых, узкий проход к кухне. Потом повернулся.

Илья шел к нам один. Улыбка на месте, но глаза уже не улыбались.

«Куда это вы?»

Варя ответила быстрее меня.

«На прогулку. Я хочу посмотреть закат с другой стороны пляжа».

Он посмотрел на рюкзак.

«С рюкзаком?»

«Кирилл таскает мои вещи. Он большой, ему полезно».

Илья подошел ближе.

Слишком близко.

Я сделал полшага вперед. Не угрожающе, просто так, чтобы он понял, где граница.

Он понял. И ему это не понравилось.

«Марина сказала, вы интересовались лодками».

«Мы хотели рыбалку», сказала Варя.

«И деньгами».

Вот и все.

Слова упали между нами без всякой упаковки. Варя не дрогнула, но я почувствовал, как она изменила положение ног. Умница. Если придется бежать, каблук не застрянет в песке. Она была в сандалиях без каблука. Еще лучше.

«Моя жена болтает», сказал я. «Иногда слишком много».

Илья посмотрел на меня.

«А вы молчите. Удобная пара».

«Старемся не мешать друг другу».

Он усмехнулся.

Слева из прохода вышел Артем. Не один. С ним был мужчина в серой футболке, крепкий, с короткой шеей и руками, которые не привыкли носить подносы. Не сотрудник курорта. Не гость. Телохранитель, помощник, водитель, кто угодно. Только не случайный человек.

Варя увидела его тоже.

«Илья», сказала она легко, «вы нас пугаете. Мы же просто хотели покататься на лодке».

«Конечно», сказал он. «Пойдемте, я покажу вам лодку».

«Не надо», сказал я.

Мужчина в серой футболке шагнул ближе.

У меня внутри стало очень спокойно.

Так бывает редко и всегда плохо. Мир сужается. Остаются расстояния, руки, направление удара, дыхание человека напротив. Солнце, пляж, музыка, смех людей отходят в сторону. Потом, когда все закончится, они вернутся слишком резко.

Я не хотел драки.

Драка на курорте, где у тебя с собой женщина, паспорт и неизвестно сколько чужих людей вокруг, это не победа. Это провал переговоров. Но иногда переговоры заканчиваются еще до первой фразы.

Телефон в кармане завибрировал.

Антон.

Я не мог ответить.

Варя вдруг сделала шаг вперед и громко, почти капризно сказала:

«Вы обещали мне рыбалку, а теперь устраиваете какую-то странную сцену. Я пожалуюсь вашему владельцу».

Илья дернулся.

Не от угрозы. От слова владелец.

«Вы не знаете владельца».

«Зато мой муж знает людей, которые знают всех. Он скучный, я говорила. У скучных мужчин всегда есть телефоны юристов».

Она несла чушь с такой уверенностью, что на секунду даже мужчина в серой футболке посмотрел на Илью, ожидая решения.

Этой секунды хватило.

Служебная тележка с бельем выехала из-за поворота и медленно покатила по дороге позади них. За рулем сидел пожилой работник, рядом молодая девушка в форме. Они смотрели вперед и не собирались вмешиваться, но их появление ломало замкнутый круг.

Я взял Варю за руку.

«Мы уходим».

Илья сказал:

«Мы еще не закончили».

«Закончили».

Я не повышал голос.

Мужчина в серой футболке шагнул мне наперерез.

Я ударил первым.

Коротко. В корпус. Не красиво, зато быстро. Он согнулся, я толкнул его плечом в сторону, схватил Варю крепче и потянул к служебной дороге. За спиной закричал Артем. Кто-то выругался. Тележка резко затормозила.

Мы побежали.

Песок мешал. Варя не отставала. Рыжие волосы вырвались из заколки, сумка была ее по боку. Я слышал шаги сзади, но не оглядывался. До поворота. Потом к дороге. Потом к машине, если Антон успел.

На служебной дороге стоял черный минивэн.

Водитель открыл дверь еще до того, как мы подбежали.

«Быстро!» крикнул он по-русски.

Я толкнул Варю внутрь, запрыгнул следом, дверь захлопнулась, машина рванула так, что нас бросило на сиденье. Только тогда я оглянулся.

Илья выбежал на дорогу через несколько секунд. За ним Артем и серый. Но минивэн уже уходил к воротам.

Варя сидела рядом, прижав ладонь к груди.

«Ты ударил человека», сказала она.

«Он переживет».

«Я не о нем».

Я посмотрел на нее.

Она была бледная, но глаза горели. Не страхом. Жизнью. Злостью. Адреналином. И еще чем-то, что мне лучше было не видеть.

«Ты в порядке?» спросил я.

«Нет».

Честный ответ.

Я взял ее руку. Она не убрала.

Телефон снова завибрировал. Я ответил.

«Мы в машине», сказал я.

Антон выдохнул так, будто до этого не дышал.

«К аэропорту. Водитель знает. Что случилось?»

Я посмотрел на Варю. Она смотрела в окно, где пальмы и красивые стены курорта быстро уходили назад.

«Они поняли», сказал я.

«Подробности потом. До борта не выходите из машины без водителя. Паспорта у тебя?»

«Да».

«Хорошо. И Кирилл?»

«Что?»

«Не лезь на рожон».

Я помолчал.

«Поздно предупреждаешь».

Антон выругался и отключился.

Минивэн несся по узкой дороге. Слева мелькала вода, справа заборы, рекламные щиты, редкие дома. Мир снова стал обычным, но руки еще помнили вес удара. Варя смотрела в окно.

Через несколько минут она сказала:

«Я не собиралась лезть дальше».

«Знаю».

«Правда».

«Знаю».

Она повернулась.

«Тогда почему у тебя такое лицо?»

Я хотел ответить резко. Сказать, что у меня нормальное лицо, что она опять выдумывает, что сейчас не время. Но устал врать.

«Потому что я испугался».

Она замолчала.

Мне самому не понравилось, как это прозвучало. Слишком голо. Без защиты.

«За задание?» спросила она тихо.

«За тебя».

Дальше говорить было нельзя. Не здесь, не в машине, не после драки, не под рев двигателя. Я отвернулся к окну.

Но она все еще держала мою руку.

И не отпускала до самого аэропорта.

Частный борт ждал у дальнего терминала. Водитель провел нас через служебный вход, говорил с охраной быстро и уверенно. Все было оплачено, согласовано, подстраховано. Антон умел быть неприятным человеком, но в такие минуты я понимал, почему за ним идут. Он не бросал своих.

Когда самолет поднялся, Варя наконец расслабилась. Не сразу. Сначала проверила телефон, написала подруге, что все нормально, потом открыла бутылку воды, сделала два глотка и только после этого откинулась в кресле.

Я сел напротив.

Между нами стоял маленький столик. На нем лежал мой рюкзак с паспортами и ее сумка. Смешная граница после всего, что произошло.

«Мы провалили медовый месяц», сказала она.

«Зато не умерли».

«У тебя бедная фантазия в области успеха».

Я усмехнулся.

Она посмотрела на меня внимательно.

«Спасибо».

«За что?»

«За то, что вытащил».

«Ты сама хорошо шла».

«Я про другое».

Я понял.

Она говорила не только про дорогу, не только про серого, не только про курорт. Про то, что я не стал читать ей лекцию. Не сказал, что предупреждал. Не сделал из ее риска доказательство своей правоты.

«Пожалуйста», сказал я.

Самолет шел над водой. Внизу облака закрывали берег. Через несколько часов мы вернемся домой, где снова будут офис, отчеты, наши обычные роли и люди, которые привыкли видеть нас в привычных позах: она смеется, я ворчу, все нормально.

Только нормально уже не будет.

Я видел это по ее лицу.

Она тоже видела.

Варя закрыла глаза, но не спала. Я знал. У нее дрожали ресницы.

Через десять минут она сказала, не открывая глаз:

«Кирилл».

«Да».

«Когда мы прилетим, не становись опять железным».

Я хотел сказать, что не умею иначе.

Но это было бы неправдой.

Я умел иначе. Просто давно не позволял себе.

«Постараюсь», сказал я.

Она кивнула.

За окном было солнце, белые облака и пустое небо. Внизу остался курорт, где люди продолжали пить коктейли, смеяться у бассейна и думать, что плохие истории происходят где-то за пределами красивых ворот.

Я смотрел на Варю и понимал простую вещь.

Мы вытащили из воды только край сети. Остальное еще было там. В цифрах, в лодках, в испуганном Артеме, в слишком уверенном Илье, в человеке в серой футболке, который теперь знал мое лицо.

И еще в нас.

Потому что бывают задания, после которых закрываешь отчет и живешь дальше.

А бывают такие, после которых отчет только начинается.

Глава 4. После чужого берега

Самолет сел в Москве ближе к ночи, и первое, что я почувствовал, когда открылся люк, был холодный воздух.

Не морозный, не злой, просто обычный городской воздух после южной влажности. Он пах керосином, мокрым асфальтом и чем-то железным. После курорта, где всё было сладким, соленым и дорогим, этот запах действовал лучше кофе. Он возвращал обратно. В ту жизнь, где у людей есть счета, пробки, усталость, плохо вымытые подъезды, чужие звонки в неудобное время и работа, которая не заканчивается, когда ты устал.

Варя вышла из самолета молча.

За весь полет она почти не говорила. Один раз спросила, есть ли у меня зарядка. Один раз попросила воду. Один раз сказала, что ненавидит частные самолеты, потому что в них невозможно притвориться, будто всё происходит с кем-то другим. В обычном рейсе можно смотреть на соседей, слушать, как ребенок пинает кресло, ругаться на очередь в туалет. Там жизнь шумит и отвлекает. А здесь слишком тихо. Слишком мягкие кресла. Слишком мало людей. Слишком много места для мыслей.

Я не стал спрашивать, о чем она думает.

Знал.

Не всё, конечно. Чужую голову нельзя открыть, как папку с документами. Но кое-что было понятно. Курорт остался позади, а вместе с ним и наша легенда. Больше не надо было держаться за руки на людях, улыбаться барменам, называть друг друга мужем и женой, спорить о том, какую экскурсию выбрать. Теперь мы снова были Кирилл и Варя. Руководитель и сотрудница. Двое людей, которые слишком близко подошли к тому, о чем раньше старались не говорить.

И еще двое людей, за которыми могли начать смотреть.

Водитель Антона ждал у служебного выхода. Тот же сухой мужчина, который умел открывать двери так, будто это часть боевой операции. Он взял у меня рюкзак, хотя я не просил, кивнул Варе и провел нас к черному седану.

Варя остановилась у машины.

«Я поеду домой сама», сказала она.

Я посмотрел на нее.

«Нет».

«Не начинай».

«Я не начинаю. Я заканчиваю. Ты поедешь не одна».

Она устало закрыла глаза.

«Кирилл, сейчас не время включать начальника охраны».

«Сейчас как раз время».

«Я хочу домой. К себе. Без сопровождения, без отчетов, без твоего лица, которое выглядит так, будто ты собираешься поставить меня в угол и читать лекцию до утра».

«Лекцию не собираюсь».

«Не верю».

«Правильно делаешь. Но сегодня не буду».

Она посмотрела на меня внимательнее.

В такие минуты я видел, как быстро она устает от собственного остроумия. Шутка была ее щитом, но щит тоже весит. Если держать его целый день, руки начинают дрожать. Сейчас у нее дрожали не руки, а голос, хотя она держала его из последних сил.

«Мне надо побыть одной», сказала она тише.

Вот тут уже нельзя было давить.

Я мог заставить ее сесть в машину. Формально. По делу. Из соображений безопасности. У меня были все основания. Но есть разница между защитой и клеткой. Если ее не понимать, можно очень быстро стать человеком, от которого защищаешь.

«Хорошо», сказал я. «Тогда водитель отвезет тебя домой. Один. Я поеду другой машиной».

«Это не одна».

«Это компромисс».

«Ты всегда так называешь то, что решил за двоих?»

«Не всегда».

Она хотела ответить, но устала. Только кивнула.

Водитель открыл ей дверь. Варя села, поставила сумку на колени и на секунду задержала взгляд на мне.

«Не звони сегодня», сказала она.

«Если будет опасность, позвоню».

«Если будет опасность, сначала подумай, не ты ли ее создаешь».

Дверь закрылась.

Машина уехала.

Я стоял у служебного входа и смотрел вслед до тех пор, пока красные огни не исчезли за поворотом. Потом достал телефон и набрал Антона.

Он ответил сразу.

«Она с водителем?»

«Да».

«Хорошо. Ты ко мне».

«Сейчас?»

«Нет, через неделю, когда все забудут, кто тебя хотел задержать на курорте. Конечно сейчас».

Я посмотрел на темное летное поле.

«Она просила сегодня не звонить».

«Я не Варя. И я не прошу».

На этом разговор закончился.

Офис ночью всегда выглядит честнее, чем днем. Днем он играет роль. Люди ходят с чашками, спорят у переговорных, делают умные лица, шутят у принтера. Ночью остаются стекло, пустые столы, лампы над ресепшеном и усталый охранник, который знает о компании больше, чем половина директоров, потому что видит, кто уходит поздно, кто приходит слишком рано, кто плачет в лифте и кто врет жене по телефону в холле.

Антон сидел в малой переговорной. С ним был Дима, финансовый директор, худой, аккуратный, с вечной привычкой держать ручку между пальцами, даже когда не пишет. На столе лежали распечатки. Наши курортные цифры, схемы владения, выписки, договор с морским оператором, фотографии причала, которые Варя успела сделать как будто для красивых воспоминаний.

Я вошел, сел напротив и только тогда понял, как устал.

Плечи налились свинцом. В голове шумело. Правая рука немного болела после удара. Не сильно, но достаточно, чтобы напоминать: я все-таки ударил человека посреди курорта, где должен был изображать счастливого мужа.

«Рассказывай», сказал Антон.

Я рассказал.

Без украшений. Сначала звонок. Потом наши выводы. Потом разговор с Мартыновыми, разговор у бара, цифры по лодкам, попытка уйти, Илья на пляже, Артем, мужчина в серой футболке, удар, машина. Дима записывал. Антон слушал, сцепив руки перед собой.

Когда я закончил, он спросил:

«Серого опишешь?»

«Рост около ста восьмидесяти пяти. Вес девяносто пять или сто. Бывший спортсмен или охрана. Правая рука рабочая. Нос ломали. Двигался уверенно, но не профессионал высокого уровня. Больше давит массой».

Дима поднял глаза.

«Ты это за пять секунд понял?»

«За три».

Он покачал головой и снова стал писать.

Антон достал из папки лист.

«Фирма морских экскурсий оформлена на три доли. Илья Мартынов, Артем Мартынов и человек по имени Роман Бандурин. Формально он частный консультант по строительным разрешениям. По факту вокруг него уже были истории. Ничего доказанного. Но в двух проектах, где он проходил как внешний эксперт, подрядчики потом внезапно выигрывали конкурсы. Один проект закрылся после проверки, второй продали без шума».

«Серый может быть его человеком».

«Может. Или человеком тех, кто через него заносит деньги».

Дима повернул ко мне таблицу.

«Смотри. Если реальные суда дают одну выручку, а в отчетах проходит другая, разницу можно закрывать наличкой. Курорт принимает деньги как будто от гостей. Потом перечисляет оператору. Оператор платит за обслуживание, топливо, зарплаты, аренду, часть возвращает тем, кто принес наличку, уже чистыми платежами или через подрядчиков. Схема не новая, но обычно ее не делают так неуклюже».

«Потому что Мартыновы идиоты?»

«Потому что Мартыновы жадные идиоты», сказал Антон. «Это разные болезни».

Я взял фотографии. На одной Варя стояла у стойки с брошюрой в руке, улыбающаяся, легкая, будто весь мир состоит из каяков и фруктового льда. Я сам сделал этот снимок, чтобы не выглядеть человеком, который фотографирует причал. На заднем плане был Лукас, стойка, край доски с расписанием.

Варя заметила доску.

Конечно, заметила.

На доске мелом были написаны выходы лодок на день. Три рыбалки, пять дайвинг-групп, две прогулки. Не семь. Не пять катеров. Не сорок четыре каяка. Обычный турист увидел бы красивый почерк. Варя увидела доказательство.

Я положил фотографию обратно.

«Что дальше?»

Антон откинулся в кресле.

«Дальше мы не лезем. Я передам материалы Петру. Он откажется от покупки или будет заходить через адвокатов и проверку. Если владелец сам не в схеме, он должен узнать, что его племянники устроили прачечную. Если в схеме, тем более не наша история».

«Они знают нас в лицо».

«Поэтому охрана будет у Вари минимум неделю».

Я поднял глаза.

«Она откажется».

«Пусть отказывается тебе. Мне она скажет да».

«Ты плохо ее знаешь».

Антон устало потер лицо.

«Я знаю достаточно. Она будет спорить, шутить, говорить, что мы драматизируем, потом согласится на самый неудобный для всех вариант и сделает вид, что это ее идея. Твоя задача не превратить этот разговор в поединок самцов у водополя».

Дима тихо фыркнул.

Я посмотрел на него.

Он перестал фыркать.

Антон продолжил:

«И еще. Вы оба на два дня уходите из офиса».

«Зачем?»

«Потому что ты выглядишь так, будто не спал неделю, а она наверняка держится на злости и кофе. Мне не нужны люди, которые после такого садятся за обычные отчеты и делают вид, что они железные. Отдыхаете. Завтра к полудню я хочу от каждого короткое письменное описание событий. Без героизма. Факты, время, имена, что видели, что слышали».

«Она просила сегодня не звонить».

«Я уже слышал. Не звони. Напиши утром».

Я кивнул.

Разговор можно было заканчивать, но Антон не отпускал. Я видел это по его лицу. Он хотел сказать не про схему.

«Кирилл».

«Да».

«У вас с Варей что происходит?»

Вот оно.

Дима вдруг очень заинтересовался документами.

Я посмотрел на Антона спокойно.

«Работа».

«Не ври мне как налоговому инспектору. Я не спрашиваю из любопытства».

«А из чего?»

«Из страха, что два взрослых человека не смогут признать себе в очевидном и наделают глупостей там, где нужна голова».

Я встал.

«Если это всё по заданию, я поеду».

«Сядь».

«Нет».

Голос у меня вышел жестче, чем нужно. Дима перестал писать. Антон посмотрел на меня без злости, но с той усталой прямоотой, которую я в нем уважал и ненавидел одновременно.

«Ты мой друг», сказал он. «И она не просто сотрудница. Она тоже мой человек. Поэтому я спрошу еще раз. Это мешает работе?»

Я хотел сказать нет.

Автоматически.

Потом вспомнил, как стоял на пляже между ней и Ильей. Как ударил серого быстрее, чем нужно. Как в машине сказал, что испугался за нее. Как всю дорогу до самолета держал себя за горло, чтобы не сказать больше.

«Может помешать», сказал я.

Антон кивнул.

«Вот с этим уже можно жить. То, что человек видит риск, не значит, что он справится. Но у слепого шансов меньше».

«Ты философом стал?»

«Нет. Просто старею».

Он закрыл папку.

«Езжай домой. Руку льдом обложи. И не звони ей сегодня».

«Я слышал».

«Ты слышишь обычно только то, что совпадает с твоим планом».

Я вышел из переговорной в пустой коридор. В лифте увидел свое отражение в темном стекле. Не понравилось. Лицо серое, глаза злые, щетина, рубашка мятая. Счастливый молодой закончился. Остался мужчина, которому давно пора было понять: контроль не спасает от всего. Иногда он только дает иллюзию, что ты держишь ситуацию, пока ситуация держит тебя за горло.

Дома я не включил свет сразу.

Квартира встретила тишиной, знакомым запахом дерева и пыли, которую я опять забыл протереть на полке у окна. На тумбе лежали ключи от машины, старый нож, счета, книга, которую я читал уже месяц и каждый раз бросал на одной и той же странице. На потолке в спальне была трещина. Та самая. Родная. Наконец-то что-то не идеально.

Я принял душ, приложил лед к руке и сел на край кровати.

Телефон лежал рядом.

Не звонить.

Простое указание. Ничего сложного. В армии за нарушение приказа можно было получить не только выговор. В гражданской жизни приказы мягче, а последствия иногда хуже.

Я не позвонил.

Но открыл переписку с Варей.

Последнее ее сообщение было трехдневной давности. Она прислала фото коктейля и подпись: «Если я умру от сахара, скажи всем, что это было во имя задания».

Я набрал: «Ты дома?»

Стер.

Набрал: «Охрана будет завтра».

Стер.

Набрал: «Я испугался не потому, что не доверяю тебе».

Стер.

Положил телефон экраном вниз.

Лег.

Сон не пришел.

В темноте всегда приходят те, кого не звал. Для меня это были не только люди с курорта. Чаще другие. Пыльная дорога. Металл. Крик, который оборвался слишком быстро. Руки медика. Мой собственный голос, спокойный до отвращения. Я не любил вспоминать. Люди говорят: надо прожить травму, отпустить, поговорить. Может, кому-то это помогает. Мне иногда казалось, что некоторые вещи не отпускают. С ними просто учишься ходить так, чтобы они не падали на пол при каждом шаге.

Варя не знала всей истории.

Она знала только, что я служил, что были командировки, что я работаю с ветеранами, что иногда не люблю резкие хлопки и всегда сажусь лицом к двери. Она не спрашивала лишнего. За это я был ей благодарен. Она вообще умела не трогать чужую боль, пока человек сам не вынесет ее на стол.

Со своей болью она так не умела.

Она прятала ее под смехом, под дерзостью, под нелепыми историями. Про босые пробежки. Про чужие бассейны. Про то, как однажды в офисе она подменила скучную презентацию Димы на слайд с котом в очках, и никто не заметил до седьмой минуты, потому что все привыкли делать умный вид, когда ничего не понимают.

Все смеялись.

Я тоже.

А потом однажды узнал из проверки, что она была замужем. Что муж умер. Молодой. Рано. Так рано, что у нормального человека от такой строки в отчете должно стать неловко. Стало. Я закрыл файл и больше никому не сказал.

Теперь эта строка стояла между нами живым человеком.

К утру я все-таки уснул. На час, может, на полтора. Проснулся от звонка.

Не Варя.

Антон.

«Ты спишь?»

«Уже нет».

«Хорошо. У нас новая информация».

Я сел.

«Какая?»

«Петр связался с владельцем курорта. Тот в бешенстве. Говорит, ничего не знал. Поверим пока наполовину. Но главное не это. Мартыновы вчера вечером покинули курорт. Официально семейные дела. Бандурин недоступен».

«Серый?»

«Пока не знаем. И еще. Варина машина стояла у дома всю ночь, но утром соседка видела возле подъезда темный внедорожник. Номера закрыты грязью».

Холод прошел по спине сразу.

«Ты сказал ей?»

«Я ей звоню после тебя. Мне нужно, чтобы ты не рванул туда, как идиот».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.